

Глава 10. Как Пеппи спасает двух малышей

Однажды в воскресенье после обеда Пеппи сидела дома, раздумывая, чем бы ей заняться. Томми и Аннику она не ждала – ее друзья ушли со своими родителями в гости.

День прошел незаметно в приятных занятиях. Пеппи встала рано и подала господину Нильсону завтрак в постель: фруктовый сок и булочку.

Обезьянка выглядела так трогательно, когда она сидела в светло-голубой ночной рубашке на кровати, держа обеими руками стакан. Затем Пеппи скребницей почистила лошадь и задала ей корм, попутно рассказав длинную историю про свои странствования по морям.

После этого Пеппи отправилась к себе в комнату и нарисовала прямо на обоях большую картину, изображающую толстую даму в черной шляпе и красном платье. В одной руке эта дама держала желтый цветок, а в другой – дохлую крысу. Этой картиной Пеппи осталась очень довольна – по ее мнению, она украшала комнату.

Покончив с художеством, она уселась возле комода и принялась перебирать свои сокровища: птичьи яйца и ракушки, которые вместе с папой собирала в разных далеких странах или покупала в маленьких заморских лавчонках. Когда Пеппи надоело рыться в ящиках, она попыталась обучить господина Нильсона танцевать твист. Но он наотрез отказался. Она вздумала было поучить танцевать лошадь, но вместо этого поползла на четвереньках в чулан и накрылась там ящиком – это называлось играть в сардины, но игра не клеилась, потому что не было Томми и Анники, которые обычно изображали других сардин. Но вот начало смеркаться. Девочка прижалась носом, похожим на картофелину, к оконному стеклу и глядела в сад, в котором сгущались серые осенние сумерки.

Тут она спохватилась, что еще не ездила верхом, и решила немедленно отправиться на небольшую прогулку.

Она надела свою огромную шляпу, кликнула господина Нильсона, который сидел и перебирал пестрые морские камешки, оседлала лошадь и вынесла ее в сад.

Они двинулись в путь – господин Нильсон верхом на Пеппи, а Пеппи верхом на лошади.

После захода солнца подморозило, и копыта лошади звонко цокали по затвердевшему грунту. Господин Нильсон пытался срывать листья с деревьев, мимо которых они скакали. Но Пеппи так гнала лошадь, что ему это не удавалось. Наоборот, ветки все время стегали его по ушам, и господин Нильсон с трудом удерживал на голове свою соломенную шляпку.

Пеппи скакала во весь опор по улицам маленького городка, и люди шарахались в сторону, уступая ей дорогу.

Конечно, в нашем маленьком городке, как и в каждом городе, есть своя главная площадь. На нее выходят выкрашенная охрой ратуша и старинные красивые особняки, среди которых возвышается большой трехэтажный дом. Он построен недавно, и все его называли небоскребом, потому что это самый высокий дом в городе. В эти воскресные предвечерние часы город, казалось, дремал, погруженный в тишину и покой. И вдруг тишину прорезал дикий крик. — Небоскреб горит! Пожар! Пожар! Со всех сторон к площади бежали перепуганные люди. По улице с пронзительным воем промчалась пожарная машина. И две девочки на тротуаре, которым сперва казалось, что смотреть на пожар очень весело, вдруг заплакали — они испугались, что и их дом загорится. Вскоре на площади перед небоскребом собралась огромная толпа.

Полиция пыталась ее разогнать, потому что огонь мог перекинуться и на соседние дома. Из окон небоскреба уже вырвались языки пламени. Под дождем искр в клубах черного дыма пожарные продолжали мужественно бороться с огнем. Пожар вспыхнул на первом этаже, но пламя со стремительной быстротой охватило весь дом. И вдруг люди, стоящие на площади, похолодели от ужаса. Окно мансарды под самой крышей распахнулось, и в нем показались два маленьких мальчика. Несчастные мальчуганы плакали и молили о помощи.

– Мы не можем отсюда выйти, – крикнул старший мальчик, – кто-то развел костер на лестнице!

Старшему минуло пять лет, его брат был на год моложе. Мать их ушла по делу, и они остались дома одни.

Толпа на площади волновалась. Многие плакали, глядя на малышей. Брандмайор не на шутку встревожился. У пожарных была, конечно, раздвижная лестница, но она не доставала до мансарды. А войти в дом, чтобы вынести детей, было уже практически невозможно. Неописуемый ужас охватил всех, когда стало ясно, что дети обречены на гибель – ведь пламя вот-вот доползет до мансарды. А малыши по-прежнему стояли у окна и громко ревели.

В толпе на площади была и Пеппи. Не слезая с лошади, она с интересом рассматривала пожарную машину и уже прикидывала в уме, не сможет ли она купить себе такую же. Машина эта понравилась ей потому, что была ярко-красного цвета и к тому же гудела на редкость пронзительно. Затем Пеппи стала наблюдать, как пламя все яростнее охватывает дом, и пожалела, что искры не долетают до нее.

Как и все толпившиеся на площади люди, Пеппи сразу заметила малышей в окне мансарды, и ее удивило то, что у малышей такой перепуганный вид. Она никак не могла понять, почему пожар их не забавляет, и даже спросила у стоящих рядом людей:

– Скажите, почему эти дети орут? Сперва ей в ответ раздались лишь всхлипывания. Но потом какой-то толстяк сказал:

– А ты бы не орала, если бы стояла там наверху и не могла бы оттуда выбраться?

– Я вообще никогда не плачу! – огрызнулась Пеппи. – Но раз дети хотят спуститься и не могут, почему им никто не поможет?

– Да потому, что это невозможно. Как им помочь?

Пеппи удивилась еще больше:

– Неужели никто не притащит сюда длинную веревку?

– А что проку в веревке! – отрезал толстяк. Дети слишком малы, чтобы спуститься по веревке. Да и вообще сейчас уже поздно – добраться до них по веревке нельзя! Ты что, сама не понимаешь?

– Это еще как сказать, – спокойно ответила Пеппи. – А ну, достаньте-ка мне веревку.

Никто не верил, что Пеппи сможет что-нибудь сделать, но веревку ей все-таки дали. Возле фонтана, перед небоскребом, росло высокое дерево. Его верхние ветки были примерно на уровне окон мансарды, но метра на три не доходили до них, а ствол дерева был гладкий как столб. Даже Пеппи не могла по нему взобраться.

Пожар бушевал, дети в окне мансарды кричали, люди на площади плакали.

Пеппи соскочила с лошади и, подбежав к дереву, крепко привязала веревку к хвосту господина Нильсона.

– А теперь ты будешь умницей, ну лезь, – сказала Пеппи, поднесла обезьянку к дереву и посадила ее.

Господин Нильсон прекрасно понял, что от него хотят, и послушно полез по гладкому стволу – для обезьяны это было дело плевое.

Люди на площади затаив дыхание следили за господином Нильсоном. Вскоре он добрался до кроны, сел на сучок и вопросительно поглядел вниз, на Пеппи. Пеппи кивнула ему, как бы говоря, что можно спуститься. Обезьянка послушалась, но стала спускаться по другой стороне ствола, перекинув тем самым веревку через сук. И когда господин Нильсон снова оказался на земле, Пеппи держала в руках оба конца веревки.

– До чего же ты умен, господин Нильсон, тебе бы профессором быть! – воскликнула Пеппи и отвязала веревку от хвоста обезьяны.

Неподалеку от небоскреба ремонтировали дом. Пеппи помчалась туда и выбрала крепкую длинную доску. С доской под мышкой она вернулась к дереву. Ухватившись свободной рукой за веревку и опираясь ногами о ствол, она начала быстро и ловко карабкаться вверх. Люди на площади от удивления перестали плакать. Добравшись до кроны и положив доску на развилку ветвей, она осторожно стала продвигать ее к окну. Наконец доска достигла окна, легла концом на подоконник и образовала своеобразный мост между деревом и горящим домом.

Люди на площади молчали, от напряжения никто не мог вымолвить ни слова. А Пеппи пошла по доске, весело улыбаясь мальчишкам в мансарде:

– Ну, чего вы ревете, ребята? У вас, может, животы разболелись?

Дойдя до окна, Пеппи спрыгнула в мансарду.

– Что и говорить, здесь жарковато. Сегодня вам больше топить не придется, за это я ручаюсь. А завтра слегка протопите, не больше четырех поленьев...

Сказав это, Пеппи взяла на руки обоих мальчиков и двинулась по доске обратно.

– А теперь мы немножко позабавимся. Балансировать с вами на доске – все равно что танцевать на проволоке.

Когда Пеппи дошла до середины доски, она задрала ногу точно так же, как, помните, она сидела в цирке. Шепот ужаса пробежал по толпе. А когда с ее ноги соскочила и полетела вниз туфля, несколько пожилых дам упали в обморок. Но Пеппи благополучно добралась с мальчиками до дерева, и стоящие на площади люди так громко закричали «Ура», что заглушили на мгновение треск и рев пожара.

Пеппи подтянула веревку, один конец ее она крепко привязала к толстому суку, а другим обвязала младшего мальчика и стала медленно и осторожно спускать его, он попал прямо в руки матери, которая, не помня себя от счастья, схватила своего сынишку и, громко рыдая, принялась его целовать. Но Пеппи закричала с дерева:

– Эй вы! Отвяжите веревку! Здесь ждет еще один мальчик, и летать он пока не умеет!

Люди кинулись развязывать веревку, но это было нелегким делом, потому что Пеппи умела завязывать крепкие морские узлы. Она научилась этому у матросов, когда плавала по морям со своим папой.

Но вот веревка, наконец, снова оказалась в руках Пеппи, и она спустила на землю второго мальчика.

Пеппи осталась одна на дереве. Она опять выбежала на доску, и толпа разом притихла. Никто не понимал, что она собирается делать, но секунду спустя все ахнули. Пеппи плавно поднимала и опускала руки, она кружилась в танце на узкой доске и пела своим хриплым голосом:

Пятнадцать человек и покойника ящик,

И-о-го-го, и в бочонке ром.

Но слова песни едва доносились до людей на площади. А Пеппи пела и кружилась все быстрее и быстрее, так что многие люди зажимались, боясь, что она разобьется.

Из окна мансарды вырывалось огромное пламя. И в его свете отчетливо вырисовывался силуэт Пеппи. Когда же на нее посыпался дождь искр, она подняла руки к вечернему небу и громко крикнула:

– Какой великолепный пожар!

Затем она вернулась на дерево и, крикнув «Эй», с быстротой молнии соскользнула по веревке вниз.

– Давайте прокричим четырехкратное «Ура» в честь девочки по имени Пеппи Длинныйчулок! – громко провозгласил брандмайор. – Да здравствует Пеппи!

– Ура! Ура! Ура! Ура! – прокричали все люди, стоящие на площади.

И лишь один голос крикнул «Ура» пять раз. Этот голос принадлежал самой Пеппи.